

20. Стернин И. А. Концепты и лакуны / И. А. Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование; [под ред. Н. В. Уфимцевой]. – М.: ИЯ РАН, 1998. – С. 53–67.
21. Тарасова Е. В. Речевая системность в терминах лингвопрагматики / Е. В. Тарасова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2000. – № 471. – С. 273–279.
22. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования / М. А. Холодная. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
23. Шевченко И. С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И. С. Шевченко, Е. И. Морозова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38.
24. Шевченко И. С. Проблемы типологии дискурсу / И. С. Шевченко // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: [кол. монографія] / [під загальн. ред. Шевченко І. С.]. – Харків: Константа, 2005. – С. 233–236.
25. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–231.
26. Dressler W. The thread of Discourse / W. Dressler // Journal of Linguistics. – 1977. – Vol. 13. – № 2. – P. 320–321.
27. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge (Mass): MIT Press, 1985. – 193 p.
28. Fauconnier G. Mappings in thought and language / G. Fauconnier. – Cambridge, U.K.: Cambridge Univ. Press, 1997. – 205 p.
29. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding / Ch. Fillmore // Quaderni di Semantica. – 1985. – № 6(2). – P. 222–253.
30. Halliday M.A.K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning / M.A.K. Halliday. – L.: Arnold, 1978. – 256 p.
31. Harris Z. Discourse analysis / Z. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1–30; 474–494.
32. Hymes D. Models of the interaction of language and social life / D. Hymes // Directions in sociolinguistics: The Ethnography of communication. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972. – P. 35–71.
33. Hymes D. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach / D. Hymes. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1974. – P. 53–62.
34. Johnson M. The Body in the mind (the bodily basis of meaning, imagination, and reason) / M. Johnson. – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1987. – 233 p.
35. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
36. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar / R. W. Langacker. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. – V. 2. Descriptive application. – 395 p.
37. Searle J.R. Speech acts: An essay in the philosophy of language / J.R. Searle. – Cambridge: CUP, 1969. – 212 p.
38. Stevens K. C. The effect of background knowledge on the reading comprehension of ninth graders / K. C. Stevens // Journal of Reading Behavior. – 1980. – № 12(2). – P. 151–154.
39. Talmy L. Toward a cognitive semantics / L. Talmy. – Cambridge (Mass.); L.: A Bradford Book, The MIT Press, 2000. – Vol. 1. Concept Structuring Systems. – 565 p.
40. Turner M. Reading minds: the study of English in the age of cognitive science / M. Turner. – Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1991. – 318 p.

УДК 811'373.2'42

А. Е. Коломойченко, М. Ю. Атанова,

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск

ЗАЙМСТВОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ОНОМАСТИКОНА

Запозичення іноземних імен як процес формування ономастикона. О.С. Коломойченко, М.Ю. Атанова. Стаття присвячена розгляду іноземних власних назв як одного з видів запозичення. Метою даної статті є виявлення декількох етапів запозичення лексики та особливості періодизації запозичення власних назв. Визначено поняття іноземного власного імені. Подано приклади іноземних власних назв у художньому тексті.

Ключові слова: запозичення, іноземне ім'я, ономастикон, канонічне ім'я, одвічне ім'я.

Данная статья посвящена рассмотрению иноязычных имен собственных как одного из вида заимствования. Целью статьи является определение нескольких этапов заимствования лексики и особенности периодизации заимствования собственных имен. Определено понятие иноязычного имени собственного. Даны примеры иноязычного имени собственного в художественном тексте.

Ключевые слова: заимствование, иноязычное имя, ономастикон, каноническое имя, исконное имя.

This article deals with consideration of foreign proper names as one of the type of adoption. The purpose of the article is to define several stages of lexicon adoption and peculiarities of the proper names adoption periodization. The concept of the foreign proper name is defined. Some examples of foreign proper names in a literary text are given in this article.

The proper names are a special group of nouns that provide the function of naming different people and individual units in language, which distinguishes them from others of similar objects and phenomena. They refer to those linguistic resources that make it possible to send a large semantic and emotional content in a very concise form.

The problem of adapted proper name is an urgent scientific research due to a significant role of proper names in many fields of people activity. As well as language in general, the existing fund of names reflects an era and a condition of a society at a certain stage of its development.

Heightened interest in the problem of adoptions at the present stage is caused by an important role of this lexicon in all languages of the world. Adoptions and creation of new names can be considered as a common feature for the Russian and other languages. The greatest stream of adoptions at the present stage comes from English. Cultural and historical, social and political living conditions and activities of a language community influence on lexical-nominative activity.

Thus, the proper name as a special linguistic unit can be an adopted word, sharing the main features of usual adoption: it enters a language, adapts for its standards, remains in a language or disappears eventually.

Key words: adoption, foreign name, onomasticon, canonical name, original name.

В данной статье в общем виде ставится проблема иноязычного имени собственного как вида заимствования. Данная проблема находится в русле актуальных научных исследований в силу значительной роли имен собственных во многих сферах деятельности человека. Ономастикон справедливо рассматривается «как один из компонентов истории духовной

культуры народа» [13, с. 195]. Являясь одним из компонентов исторической и культурной жизни народа, ономастикон дает представление об истоках современного состояния антропонимической системы. Как и язык в целом, существующий именной фонд является отражением эпохи и состояния общества на определенном этапе его развития. Номенклатура имен испытывает на себе влияние всех изменений в общественном строе, в социальной структуре общества, взаимоотношениях с носителями других языков.

По подсчетам ученых, примерно половина слов в русском языке имеют иностранное происхождение, при этом многие из них появились сравнительно недавно¹. Процесс заимствования как один из основных путей появления новых слов в языке наряду со словообразованием активно влияет на формирование лексики любого языка, чем и вызывает естественный интерес лингвистов к нему. Вопросами изучения заимствованной онимной лексики занимаются В. М. Аристова [1], Н. А. Баскаков [2], Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин [4], А. Г. Гудманян [5], Д. И. Ермолович [7], Г. Я. Пивторак, Л. В. [8], Л. В. Соснина [10] и ряд других лингвистов.

Исследователи по-разному рассматривают лингвистическое заимствование. Л. Блумфилд под заимствованием понимает определенный вид языковых изменений и различает три вида заимствований с точки зрения их кодификации:

- 1) заимствование понятий культуры;
- 2) «внутреннее» заимствование, происходящее вследствие непосредственных языковых контактов, обусловленных территориальной или политической близостью;
- 3) диалектные заимствования, проникающие в литературный язык из диалектов [3, глава XXV–XXVII].

Социально-психологическими причинами и факторами заимствования лингвисты считают восприятие иноязычного слова как более престижного по сравнению с исконным, «модного», «необычно звучащего», а также выделение и закрепление его в сознании говорящих. Это происходит из-за того, что иноязычное слово связано с особой стилистической окраской и вследствие его «иноязычности» смысл оказывается в некоторой степени зашифрованным, непонятым, загадка которого по силам человеку, употребившему это слово. Это само по себе уже престижно и может свидетельствовать о принадлежности первого к некоей элитной прослойке: *презентация* – вместо русского представление, *экслюзивный* – вместо исключительный, *консенсус* – вместо согласие [9, с. 119].

В русском языке ученые выделяют несколько этапов заимствований лексики:

- эпоха принятия христианства, влияние греческого языка;
- период влияния тюркских народов (XVI–XVII вв.);
- период влияния польского языка (XVI–XVIII вв.);
- эпоха заимствований из голландского языка (XVIII в.);
- период влияния немецкого и французского языков (XVIII–XIX вв.);
- эпоха английского языка (XX в. по настоящее время).

Процесс заимствования имен поддается иной периодизации, которая имеет и сходства, и отличия от общего процесса заимствований. В истории русских личных имен выделяются три периода:

дохристианский, когда использовались самобытные, языческие имена, созданные средствами древнерусского языка (*Веслав, Ратмир*);

период после Крещения Руси, когда иноязычные канонические, христианские имена постепенно вытеснили из употребления языческие; в то же время небольшая часть исконно славянских дохристианских имен стала каноническими (*Владимир, Людмила*);

современный период, начавшийся после Октябрьской революции, характеризующийся отменой статусных ограничений между календарными, каноническими и некалендарными именами, а также проникновением в русский именослов большого числа заимствований и активным имитаторством (*Марлена, Максана, Ким*) [12, с. 49–85].

Имя собственное, существующее для идентификации предмета в любой ситуации и любом языковом коллективе, в подавляющем большинстве случаев обладает национально-языковой принадлежностью. Проблема национально-языковой принадлежности связана с античной и библейской этимологией имен. Межкультурные и межъязыковые контакты имеют многовековую историю. Имена и названия давно заимствуются из одного языка в другой, претерпевая разнообразные фонетические, графические и другие изменения.

Под иноязычным антропонимом мы понимаем использованное в художественном или публицистическом тексте имя персонажа, которое не является русским, что подчеркнуто или формой имени, его написанием, или определенными компонентами, например: *Сильва Джузеппович Морелли (именно так) был сыном черноглазой вертлехвости из итальянской дипломатии, эвакуированной в Куйбышев в годы Великой Отечественной войны* [Дина Рубина. Синдром Петрушки].

Многие ИС пришли в русский язык давно и не всегда из первоисточника. Это особенно касается исторических, религиозных, фольклорно-мифологических и литературных имен и названий. Библия, другие христианские письменные источники и, соответственно, содержащиеся в них имена входили в культуру разных народов различными, подчас очень сложными, путями, могли подвергаться определенным модификациям:

Порфирий Владимырьч известен был в семействе под тремя именами: Иудушки, кровопивушки и откровенного мальчика, каковые прозвища еще в детстве были ему даны Степкой-балбесом [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы].

Имена религиозного и мифологического происхождения на протяжении истории продолжали свое развитие уже самостоятельно. Их давали младенцам при рождении, и с развитием и изменением языков, а также в зависимости от сфер использования они часто модифицировались еще больше. Например, библейское Иоанн превратилось в русский язык в имя Иван, Илия – в имя Илья, Георгий – в Егор, Матрона – в Матрена, Матфей – в Матвей, Иаков – в Яков, Феодор – в Федор и т. д.

Заимствование – естественный процесс обогащения словарного запаса языка – в отношении русских личных имен сдерживалось до Октябрьской революции существованием традиции выбора имени новорожденному из числа православных агионимов.

В России традиция нарекать ребенка в честь святого, день которого приходился на день его рождения, более строго соблюдалась среди крестьян и вообще сельских жителей, тогда как горожане все чаще давали имена младенцам не по святым, а с учетом своих представлений о благозвучности имени, определенной моды на имена и внутрисемейных традиций. С иронией о календарных именах пишет Н. В. Гоголь:

Родильнице предоставили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. «Нет, – подумала покойница, – имена-то все такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом

¹ http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ZAIMSTVOVANIE.html

месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, – проговорила старуха, – какие все имена; я, право, никогда не слыхивала таких. Пусть бы еще Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий». Еще перевернули страницу – вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, – сказала старуха, – что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий» [Н. В. Гоголь. Шинель].

В результате определенной дифференциации имен по социальной принадлежности многие имена римского и греческого происхождения, часть из которых принадлежала когда-то христианским святым и мученикам, стали восприниматься в русском обиходе как «деревенские», «простонародные» (Авдотья, Агафья, Дементий, Марфа, Прокоп, Пантелей, Пахом, Федот и т. п.). Вспомним, как у А. С. Пушкина в романе «Евгений Онегин» представлена героиня:

*Ее сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девицей! (Глава 2, строфа XXIV)*

с примечанием «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдными» [А. С. Пушкин. Евгений Онегин].

Со времени царствования Петра I существенно увеличился приток европейцев в Россию, что привело к росту межкультурных контактов русских (прежде всего – горожан) с представителями других национальностей – носителями имен различных европейских антропонимических систем – немцами, голландцами, французами и др. Начиная с эпохи петровских преобразований в русской культуре стал формироваться явный интерес к иностранным (преимущественно западноевропейским) именам, который отчасти выразился в развитии в аристократических и дворянских кругах своеобразной системы двуименности (которая была, в свою очередь, логичным продолжением билингвизма русского дворянства с конца XVIII века). Дворяне, получившие при крещении русские имена Сергей, Петр, Михаил, Наталья, Мария, Софья, в свете нередко именовались на французский манер – Серж, Пьер, Мишель, Натали, Мари, Софи.

В повести Надежды Дуровой (известной кавалерист-девицы) «Угол» фигурируют две соперницы – графиня Целестина Орделинская и купеческая дочь Фетинья Федулова, которая, выйдя замуж за дворянина, превращается в изысканную Фанни. Изменение имени с переходом в более высокий социальный слой было довольно типичным явлением, и тогда Пелагеи становились Прасковьями или Полинами, а Акулины – Александрями. Имена отражали моду и настроения в обществе, что легко проследить по литературе.

Смена пристрастия к французскому языку и культуре на англоманию в аристократической среде во второй половине XIX века не внесла в эту модель существенных перемен, кроме перемены ориентации на английские аналоги русских имен. Этот процесс отразил в именах своих героев Л. Н. Толстой в романах «Война и мир» и «Анна Каренина». Двуименность на почве франкофилии или англомании со временем распространилась за пределы дворянского сословия. Модистки, парикмахеры, портные и т. п. переделывали свои имена на западный манер: *Жорж, Алексис, Аннет* вместо *Егор, Алексей, Анна* [6]. Напомним лишь краткий перечень таких соответствий: галицизированные имена в романе «Война и мир»: *Натали, Элен, Анатолий, Пьер, Андре, Мари, Лизе*; англоязычные *Долли, Кити, Стива* в «Анне Карениной».

Вхождение иностранных имен в русский именник в значительной мере связано с произведениями переводной художественной литературы. Среди распространенных ныне заимствованных имен следует назвать имена главных героев культовых романов в сред русской революционно настроенной интеллигенции начала XX века – Артур и Джемма («Овод» Э. Л. Войнич), Спартак (одноименный роман Р. Джованьоли). Среди других имен, почерпнутых в произведениях западноевропейской литературы – Альфред, Эдуард, Алиса, Джульетта, Жанна, Эмма.

Европейские имена заимствовались не только в их полной форме, но и в краткой: Гарри, Курт, Ада, Линда, Нелли, Нора. Некоторые новые заимствования отчасти были связаны с именами деятелей европейского рабочего и коммунистического движения начала XX века: таковы имена Эрнест (в честь Эрнста Тельмана), Клара, Роза (в честь Клары Цеткин и Розы Люксембург), Луиза (в честь Луизы Мишель) [11, с. 157–176].

В целом же в процессе заимствования сочетались языковые и неязыковые реалии. Следует также подчеркнуть взаимный характер влияния литературы и реального ономастикона: иностранные имена из литературных произведений давались реальным носителям, реально существующие имена носили герои литературных произведений.

Максимальный интерес к новым заимствованным именам приходился на конец 1920-х – 1930-е годы и отмечался повторно в конце 1950-х – 1960-е. В новых именах родителей привлекали необычные для русского языка сочетания гласных или согласных – Роальд, Витольд, Герард; Анжелика, Виолетта, Генриетта, – в кругу традиционных календарных имен почти не было имен с подобным звучанием. Среди новых заимствований немало имен, начинающих на Э (Эдуард, Эльдар, Эрнест, Элиза, Элла, Эмма), содержащих фонемы -ж- или -дж- (Джеральд, Жозеф, Анжела, Дженни) или с другими особенностями, нехарактерными для имен из традиционного именованья: в нем аналогичные имена отсутствовали или фигурировали в очень ограниченном числе:

Был он Гришей, но сейчас носит имя Гарри.

Каждый день в обычный час Гарри на бульвар [Б. Тимофеев. Гарри].

При всем количественном богатстве заимствований лишь немногие имена получили сколько-нибудь широкое распространение. К таковым относятся, например, имена Альберт, Артур, Роберт, Эдуард, Алиса, Альбина, Белла, Жанна, Нелли, Элла, но ни одно из них не достигало высоких показателей частотности.

В лингвистической литературе сложилось мнение, что онимическая лексика может пополняться:

- 1) путем онимизации нарицательных имен;
- 2) путем заимствования готовых имен или именных основ из других языков;
- 3) путем искусственного создания имен из лексики своего языка;
- 4) путем деривации на базе ИС своего языка [13, с. 71].

Ассимилируясь в новой русскоязычной среде, иноязычные слова, в том числе и имена, вынуждены пройти сложный путь адаптации. Основной чертой современного процесса заимствования становится ускоренная фонетическая, графическая, грамматическая, семантическая и словообразовательная адаптация новых слов в языке-реципиенте по сравнению с предыдущими периодами заимствований.

Как правило, до конца XVIII века заимствования приходили, в основном, из устной речи, так как чтение было делом довольно узкой прослойки населения. При этом виде заимствований происходила транскрипция иностранных слов. Позже, с усилением роли газет, журналов, с широким распространением печатных изданий заимствования стали проникать в язык преимущественно печатным способом, слова подвергались и транскрипции, и транслитерации. На современном этапе большинство заимствований, в том числе и онимных, приходит в русский язык в транскрибированной форме. Классическим примером различных способов адаптации может являться форма Невтон у М. В. Ломоносова и Ньютон в современном языке.

Семантика заимствованных слов также изменяется под влиянием представлений о мире, присущих русскому народу. С другой стороны, лексические заимствования могут изменять картину мира, закрепленную в данном языке, привнося в нее элементы иного мировидения. В русском языке современного периода действуют обе вышеупомянутые тенденции. Как отмечает Д. И. Ермолович, вопрос о значении ИС имеет не только теоретический интерес. Он становится чрезвычайно актуальным при межкультурных и межъязыковых контактах. Казалось бы, имена собственные легко пересекают межъязыковые барьеры, поскольку стремятся сохранить свою внешнюю форму и при использовании вне сферы «родного» языка. Однако иной раз весьма существенным элементам их содержания бывает гораздо труднее преодолеть такие барьеры. А без сохранения своего значения ИС не могут функционировать в иной языковой среде. Отсюда – возможные проблемы непонимания и неточного восприятия текстов, содержащих имена [7, с. 13].

Повышенный интерес к проблеме заимствований на современном этапе обусловлен важной ролью этой лексики во всех языках мира. Заимствования и создание новых имен можно считать общей чертой для русского и других языков. Наибольший поток заимствований на современном этапе идет из английского языка. На лексико-номинативную деятельность оказывают влияние культурно-исторические и социально-политические условия жизни и деятельности языкового сообщества.

Для языков на современном этапе характерно смешение, интернационализация именника. Проиллюстрируем это утверждение следующим текстом:

Новые веяния в основном коснулись женских имен: начиная с XIX в. девочек стали называть Эмбер (январь), Эйприл (апрель), Берил (берилл), Руби (рубин), Джесмин (жасмин), Дэйзи (ромашка). В США и Великобритании все более популярными становятся французские, испанские и итальянские имена: Jacqueline (Жаклин или, на английский лад, Джеклин), Michelle (Мишель), Anita (Анита), Angela и Angelina (Анджела, Анджелина). Охотно заимствуются иностранные формы имен, существующих в английском языке – Marie вместо Mary, Katrina вместо Catherine, Julie вместо Julia (последнее, правда, произносится не на французский лад – Жюли, а на английский – Джули) [14].

Таким образом, имя собственное как особая лингвистическая единица может быть заимствованным словом, разделяя основные особенности обычного заимствования: входит в язык, адаптируется к его нормам, остается в языке или со временем исчезает.

Література:

1. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты: Англицизмы в русском языке / В. М. Аристова. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 151 с.
2. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1993. – 104 с.
3. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
4. Гиляревский Р. С. Иностранные имена и названия в русском тексте / Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1985. – 303 с.
5. Гудманян А. Г. Відтворення власних назв у перекладі: дис... д-ра філол. наук : 10. 02. 04. / Гудманян Артур Грантович. – Ужгород, 1999. – 446 с.
6. Дмитриева О. От Волка Курицына до Микрона / О. Дмитриева. – Еженедельник 2000. – 2012. – № 11.
7. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
8. Півторак Г. Я. З історії власних імен: Аліса, Альберт, Едгар, Едуард / Г. Півторак // Культура слова. – К., 1987. – Вип. 33. – С. 31–33.
9. Попко Л. П. Неологизация в языке как трансляция культурно-лингвистической национальной ментальности / Л. П. Попко. – Киев: ГАРККИИ, 2007. – 360 с.
10. Сосніна Л. В. Адаптація англійської онімної лексики в російській мові другої половини ХХ – початку ХХІ століття: дис... кандидата філологічних наук : 10.02.02 / Сосніна Людмила Василівна. – Дніпропетровськ, 2005. – 20 с.
11. Суперанская А. В. Так было – так стало / Суперанская А. В., Сулова А. В. // О русских именах. – Л.: ЛГУ, 1991. – С. 49–85
12. Суперанская А. В. О русских именах / А. В. Суперанская. – Л.: ЛГУ, 1991. – 236 с.
13. Теория и методика ономастических исследований: под ред. А. П. Неподкупного / Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
14. <http://kurufin.ru/html/english.html>

УДК 81-115

С. Є. Корнєва,

Чорноморський державний університет імені П. Могили, м. Миколаїв

СЕМАНТИЧНИЙ ЗМІСТ ЛЕКСЕМ «MENTALITY», «MENTALITÉ», «МЕНТАЛІТЕТ» І «МЕНТАЛЬНІСТЬ» У ТРЬОХ МОВАХ

У статті встановлено семантичний зміст лексем «mentality», «mentalité», «менталітет» і «ментальність», які представлено як концепти; з'ясовано етимологію, шляхи її час входження цих лексем до англійської, французької та української мов; шляхом зіставлення концептів MENTALITY, MENTALITÉ, МЕНТАЛІТЕТ / МЕНТАЛЬНІСТЬ виявлено типові та національно-специфічні ознаки зазначених лексем.

Ключові слова: семантичний зміст, *mentality, mentalité, менталітет, ментальність, концепт, концептуальна ознака, ключовий репрезентант.*

В статье определено семантическое содержание лексем «mentality», «mentalité», «менталітет» і «ментальність», которые представлены как концепты; установлена этимология, пути и время входжения этих лексем в ан-